

Лобков Павел
(телеведущий)

15.06.03.

5

Аргументы и факты

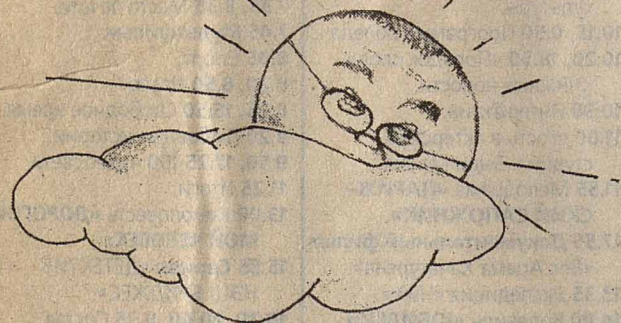
№ 23, ИЮНЬ 2003

ТЕЛЕГЛАЗ

15 июня - с. 5: Пугачев!

ВНИМАТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

Павел ЛОБКОВ: «ДАЖЕ КОРОЛЕВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ САЖАЕТ МОРКОВЬ...»

Программа «Растительная жизнь» НТВ пользуется заслуженной популярностью у зрителей. А в разгар садово-огородных работ ее рейтинг и вовсе зашкаливает. Так что специально для дачников мы решили встретиться с автором передачи Павлом Лобковым. Оказалось, что у «растительной» телезвезды дачи нет. Он встретил нашего корреспондента в своей московской квартире, что в районе площади Маяковского. Бывший биолог Лобков полагает, что хвастаться ему в доме, кроме цветов, нечем. Хотя...

— Я смотрю, вы не только растения экзотические коллекционируете, но и раритетные телефонные аппараты...

— Вот этот, что на стене закреплен, — рабочий, 1947 год, лаборатория Белла. Я его купил за тридцать фунтов на лондонском блошином рынке Портобелло, что рядом с Ноттинг Хиллом. Это такой лондонский аналог московского измайловского вернисажа.

— Это когда вы ездили к Березовскому со своей «Растительной жизнью» английскую фазенду облагораживать? У него, кажется, и квартира шикарная имеется в Лондоне в престижном районе?

— Я в Лондоне вообще очень часто бываю. А у Березовского квартиры в Лондоне нет, есть поместье в Западном Суррее. Вот лондонский офис его (надеюсь, что не выдаю государственной тайны) действительно в очень дорогом месте на Сивил-роу, там, где знаменитая Оксфорд-стрит. Что особенного мне Борис Абрамыч за кадром рассказал? Ну, про охрану свою, что поместье его — новодел, всего лишь стилизация под старину...

— Вы очень хорошо говорите по-английски. Откуда у вас, изначально не филолога, а дипломированного ученого-биолога, такое знание? Вы ведь и диссертацию свою по ботанике умудрились защищать аж в Голландии...

— Мне с детства нравился английский, и я поставил себе задачу хорошенько его выучить. Да, на биофаке Ленинградского университета четверку можно было получить и на халяву, но я-то для себя язык учил. Там же, уже в аспирантуре, я имел право иметь лучших преподавателей с филологического факультета: грех было не воспользоваться. Мало того, я в аспирантуре еще и французский с нуля начал осваивать. Довольно любопытным способом: преподаватель французского придумал своеобразное наказание для тех, кто плохо знал урок: провинившийся должен был петь с листа песню страшно модной тогда Патрисии Каас и тут же ее переводить на русский. На госэкзамене в аспирантуре я сдавал не английский, а французский. Так как знал: английский я и без подготовки сдам, а покорпеть над французским, я и этот язык рано или поздно освою. Уже работая в 1991 году в легендарном «Пятном колесе», я по настоянию Бельи Курковой отправился на языковой экзамен для журналистов в питерское генконсульство США, где, сдав экзамен и выиграв грант, был отправлен американцами на стажировку в вашингтонский департамент телекомпаний «Фокс Ньюс». С тем, чтобы я научился работать на американском варианте английского языка для американской аудитории.

— Именно тогда, кажется, произошла ваша судьбоносная встреча с Леонидом Парфеновым, сманившим вас на НТВ?

— Парфенов как журналист прибыл тогда с делегацией Гайдара (Петя Авен, Шохин и др.) на предмет получения транша от Международного валютного фонда. А я как раз в этом МВФ и подрабатывал. До сих пор помню, как Парфе-

нова раздражала моя свекольная шелковая рубашка мешком — тогда вся Америка в таких ходила. Помню, так как Леня мне эту рубашку за рюмкой по сей день поминает!

— У вас, я смотрю, и зайцев целая коллекция по квартире рассредоточена... Вот этот, соломённый, очень занятый и необычный.

— О-о, с этим зайцем целая история с участием датской королевы связана. 17 апреля 2000 года, в день шестидесятилетия королевы Маргет, в Копенгагене шел проливной дождь. Весь бизнес в тот день закрылся, даже известные каждому москвичу датские хот-доги «Стефф» нигде не продавали. И только одна тетка на Дворцовой площади торговала этими травяными зайцами. Я не мог не купить! Я потом зайца этого из сена сушил в микроволновке: вымокнув под дождем, он попросту гнил.

— Кроме зайцев, у вас на полках еще и филиал Военторга: кобура, погоны, береты и знаки отличия разных отечественных спецслужб и даже повязка военного патруля...

— У меня много друзей в силовых структурах, которых, грешен, люблю «раскручивать» на сувениры. Повязка же — память о взрывах домов в Москве. Юрий Лужков тогда очень странно решил охранять столицу: взрывы случились на рабочих окраинах в Печатниках и на Каширке, а вся дивизия Дзержинского была почему-то рассредоточена по подъездам элитных домов центра, примыкающих к Тверской, где везде и консьержки, и домофоны с кучей замков на подъездах. Иду я тогда в полночь с работы, сделал только что материал об этих взрывах в программу «Итоги», и вижу, как абсолютно замерзший и никому не нужный солдатик дивизии Дзержинского под моим подъездом околеваешь. Я его в подъезд чуть не силой загнал, кофе горячего с бутербродами вынес: он ведь не мог даже в квартиру зайти, их на этих постах проверяли постоянно. «Чего еще хочешь?» — спрашиваю. Он жалобно так: «Пива». Сходил в ларек, купил ему пива, но за это попросил у него повязку на память. Хотел получить, так сказать, вещдок. Он мне его с удовольствием и подарил.

— От встреч со знаменитостями ваш домашний музей, думаю, тоже прирастает. Что, например, на память о полете в Лондон к Березовскому осталось или от поездки на фазенду к Алле Борисовне?

— На память о визите к Борису Абрамычу осталась лопата с его автографом, которой мы растения у него в Суррее сажали. Но я ее передал на ответственное хранение своему режиссеру, так как она ему нужнее: у него дача в Завидово, а у меня дачи нет. А от Аллы Борисовны я поймел... воспоминания!

— И только?

— А что еще можно поймать от Аллы Борисовны? Ах да, еще очень много «Гжелки». Которая вся переварилась, превратилась в уксу-

ную кислоту и вышла естественным образом. Так что остались только воспоминания. Зато какие!

— Предполагаю, что у вас выстроилась «звездная» очередь на съемки на много лет вперед: кому не хочется превратить дачу в уникальную фазенду с потрясающими растениями и грамотной ландшафтной архитектурой на халяву?

— Я бы так не сказал. Как показывает практика, многие люди, которые заработали деньги собственным горбом — пением, танцами или писательством, очень подозрительно относятся к тем, кто пытается им сделать что-то бесплатно. Тем более что если я делаю что-то бесплатно, то хотя бы на время съемок на их дачах — я хозяин. А заплати они деньги, то и ели бы меня по полной программе, корректируя на свой вкус и цвет. Но телевидению-то нужна картинка! Если кому-то что-то не нравится, то я так и говорю: вот отснимем, а потом пересаживайте, отдавайте соседям, выкидывайте на помойку! Но лучше не на помойку, а мне: я пристрою растение в хорошие руки. Потому что растение — это живой организм, который должен жить, а не умирать... Бывают ситуации, когда я четко понимаю, что у этого героя данное растение, привезенное аж с Мадагаскара, просто-напросто слохнет через неделю. И этот герой этого растения попросту не достоин! Например, мои «венерины кудри», растущие в мадагаскарской пустыне. У них восемь месяцев в году над землей торчит только луковица, а всего четыре месяца в году бывают эти листья-кудри. А у героя моей программы, положим, такая жена трепетная, что будет думать, что листья опали оттого,

что влаги не хватило, и будет заливать эту луковицу до тех пор, пока она не сгниет. Выращиванием некоторых растений вообще только мужчины заниматься могут!

— Каких, например?

— Мое самое любимое растение, из тех, что в этой квартире, — зацветающая насекомоядная сарацения. Видели последний фильм Спилберга «Особое мнение»? Там Спилберг анимировал эти сарацении и они все время хлопают своими «пастями», когда Том Круз задумчиво бродит по оранжерее. А знаменитый французский дизайнер Рене Лалик на основе кувшина сарацении сделал когда-то свою первую вазу, в которой повторил не только форму, но и это сочетание красного с зеленым. Ведь все, что создано человеком, имеет свой аналог в природе.

— Из вышесказанного я делаю вывод, что не везде, где побывала «Растительная жизнь», остается оазис...

— Я ведь не для известного человека «Растительную жизнь» снимаю, а для зрителей своих. Герой в данном случае лишь средство, он предоставляет нам свою площадку для эксперимента. Например, у той же Лены Прокловой я могу посадить все, что угодно. Так как знаю, что оно у нее не только не пропадет, но вымахает за год на три метра. То же и у Пугачевой: она изумительно чувствует землю.

— Вот уж никогда бы не подумал! С чего бы это вдруг? Аллу Борисовну можно, конечно, обвинять в чем угодно, но в том, что она-де от сохи... Откуда дару к земле взяться-то?

— А что, королева Великобритании Елизавета Вторая от сохи, по-вашему? А ведь известно, что отдых ее любимый — это в грядках своих морковных близ Виндзорского замка ковыряться. Я не поклонник отечественной эстрады, не слушаю ее и не знаю. Но Пугачевой восхищаюсь как личностью. Прежде всего за то, что она не боится показаться смешной. Рискнула бы Барбра Стрейзанд спеть «Мадам Брошкину» или «Девочку секонд-хенд»? То-то и оно!

Беседовал Андрей ДОМНИЧ,
шарж Николая ПАНИНА

